



## ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Т. ХЕЙЕРДАЛ

### ОТВЕТ «СОВЕТСКОЙ ЭТНОГРАФИИ» \*

От переводчика.— Находясь в 1962 г. в СССР, член Норвежской Академии наук, доктор Тур Хейердал впервые (он не знает русского языка) ознакомился с критической статьей о его трудах, напечатанной в журнале «Советская этнография» (1959, № 1). Он выразил желание ответить на эту статью и попросил сформулировать вопросы, которые отразили бы ее основные моменты. Ниже следует перевод с норвежского языка ответов Т. Хейердала по главным пунктам этой статьи.

Л. Жданов

Во время моего пребывания в СССР в апреле — мае 1962 г. я встречался с советскими учеными в Москве и Ленинграде. В своих докладах и последующих дискуссиях я получил возможность разъяснить недоразумения в понимании моей работы и моих теорий о населении Полинезии. Так как большая часть читателей «Советской этнографии», наверное, не смогла участвовать в названных дискуссиях, я охотно отвечаю на заданные мне вопросы.

**Вопрос первый.** В рецензии можно увидеть такую формулировку Вашей теории: «...В основном эти взгляды сводятся к тому, что древние цивилизации Мексики, Центральной Америки и области Анд были созданы таинственным белым народом, остатки которого впоследствии переплыли Тихий океан и создали цивилизацию на островах восточной Полинезии» (стр. 144). Появились ли в последнее время новые данные, которые побудили Вас изменить свой взгляд?

**Ответ.** Приведенная в первом вопросе формулировка моей теории — главная причина недоразумения, поэтому я вкратце изложу точную версию моего воззрения по проблемам полинезийских миграций, как я его всегда формулировал.

а. Исконная родина нынешнего населения Полинезии — пока еще неизвестная область Юго-Восточной Азии; эти люди прибыли морским путем, начав свое странствие в Филиппинском море и следуя затем с течением Куросиво до островов у побережья Британской Колумбии, откуда они впоследствии попали на Гавайские острова, которые послужили центром расселения по остальной Полинезии.

б. Прибыв в Полинезию, они обнаружили на некоторых островах более древнее население, попавшее туда из Перу доинкского периода через о. Пасхи и Маркизский архипелаг. Это более древнее насе-

\* От редакции: Одновременно с полемической статьей Т. Хейердала редакция журнала публикует ниже ответные выступления Р. В. Кинжалова, Ю. В. Кнорозова, Н. А. Бутинова, отражающие точку зрения советских этнографов по вопросам, затронутым в статье Т. Хейердала.

ление было частично истреблено, частично абсорбировано; ныне его можно в основном проследить как археологический субстрат.

Таким образом, совершенно неправильно излагать мою теорию, умалчивая о том, что я, подобно всем остальным исследователям, считаю, что корни нынешнего населения Полинезии надо искать в Юго-Восточной Азии. Новое в моей теории заключается лишь в том, что я предлагаю значительно более простой морской путь из Азии, а также говорю о субстрате из Южной Америки. Три автора рецензии, оценивая научный труд, начисто замалчивают 215 страниц, целиком посвященных происхождению нынешней маорийско-полинезийской расы. Тем самым они дают читателю далеко не полное, совершенно извращенное представление о моей теории. Я позволю себе процитировать отрывок, показывающий, насколько они исказили мои взгляды. В труде «Американские индейцы в Тихом океане» я под заголовком «Новый маршрут, а не новая область происхождения; Новый Свет — промежуточная станция»<sup>1</sup> говорю следующее:

«Я отнюдь не собираюсь отрицать, что полинезийцы в известной мере состоят в отдаленном родстве с малайскими народами. Я только сомневаюсь в том, чтобы предки полинезийцев когда-либо жили на Малайских островах. Я не могу понять, почему мы, обсуждая малайско-полинезийское языковое родство, всегда должны рассматривать полинезийцев как иммигрантов в Полинезии, а малайцев как коренных обитателей Малайского архипелага. Мы отлично знаем, что малайцы не извечные насельники своей нынешней территории, что они прибыли с континента. Поэтому очень вероятно и даже почти несомненно, что нынешние малайцы, как и нынешние полинезийцы, перемещались в течение долгого срока, который прошел с тех пор, как племена их предков соприкасались между собой. Но в таком случае индонезийский архипелаг столь же мало, как и полинезийские острова, мог быть той географической областью, где предки этих двух народов могли иметь взаимный контакт. Истоки малайцев, как и полинезийцев, следует искать на Азиатском материке. Малайский народ, а не архипелаг, обнаруживает рудиментарные свидетельства раннего контакта с палеополинезийским племенем. Предки полинезийцев покинули побережье Восточной Азии на стадии неолитического народа до того, как развились местные высокие цивилизации. То же сделали и малайцы, и все американские индейцы. Мы не вступим в противоречие с известными фактами и не введем никаких новых принципов в полинезийской антропологии, если предположим, что предки полинезийцев, покинув восточную Азию, в своем долгом неолитическом странствовании не обязательно следовали (будь то медленно или быстро) через Микронезийское море, а плыли или вдоль азиатского побережья, или по идущему на восток течению Куросиво. Начав свой путь либо на Азиатском материке, либо на Филиппинах, они поселились, наконец, в более высоких широтах Тихого океана, до этого задержавшись где-то в пути».

Если сознательно отбросить эту фундаментальную половину моей теории и разбирать только вопрос о более древнем южноамериканском субстрате — тогда, разумеется, вся полинезийская теория становится совершенно бессмысленной и можно расправляться с ней, как угодно.

**Вопрос второй.** В связи с первым вопросом разрешите процитировать несколько высказываний рецензии по поводу Вашей «теории белого народа»: «Хейердал придерживается того мнения, что древние

<sup>1</sup> T. Heyerdahl, American Indians in the Pacific. The Theory behind the Kon-Tiki Expedition, London, 1952, стр. 77.

цивилизации появились в Америке внезапно» (стр. 144). «...Хейердал явно находится под впечатлением научно-фантастических работ прошлого века... Начало серьезного изучения древних американских цивилизаций сразу же показало, что они созданы самими индейцами... Утверждения Хейердала о том, что высокие культуры Америки и Полинезии созданы не индейцами и не полинезийцами, а таинственным белым народом...» (стр. 145). «По Хейердалу же получается, что полинезийцы оказались способны только уничтожить культуру, которую якобы создали «белые люди» (стр. 149). «Первый период начинается с прибытия на остров Пасхи „цивилизованных“ белых людей из Южной Америки» (стр. 149).

Считаете ли Вы, что есть веские аргументы, совершенно исключающие возможность того, что исконное индейское население само создало великие американские культуры?

**Ответ.** Приводимыми в вопросе втором утверждениями авторы создают у читателя впечатление, будто я заявляю, что таинственный белый народ прибыл из Европы в Америку, а затем оттуда в Полинезию. Это опять-таки неверно. В моей книге «Американские индейцы в Тихом океане» я на стр. 219—314 привожу богатый материал, показывающий, что светлая кожа, рыжеватые волосы, борода и орлиный нос были распространенным признаком среди коренного населения Америки задолго до появления там Колумба, и я, говоря об этих чертах, употребляю термины «кавказоидные», «кавказоподобные», а не кавказские, именно с целью подчеркнуть, что они напоминают кавказские черты, но не идентичны им. Так, я пишу<sup>2</sup>: «ни в физической антропологии, ни в преданиях туземцев нет сведений, которые давали бы нам право употреблять слова „кавказский“, „европейский“ или „нордический“, используемые иногда для описания этого немонголоидного типа... Все, что мы знаем — что налицо определенные специальные признаки в цвете кожи, волосатости и т. п., характерные для некоторых, но не для всех представителей нашей собственной расы. Возможно, они даже не покрывают полной характеристики какой-либо кавказской расы. Мы предпочитаем поэтому употреблять слово „кавказоподобные“ для обозначения немонголоидных и негроидных элементов, характеризующихся светлой кожей, мягкими, тонкими и волнистыми волосами, рыжеватым или светлым цветом волос и т. д., когда эти признаки встречаются у туземцев неизвестной расы вне области Кавказа и Европы». Дальше я особо подчеркиваю<sup>3</sup>, что все эти кавказоидные черты наблюдались среди коренного населения континента и островов побережья Британской Колумбии, а это доказывает, что такие немонголоидные черты могли возникнуть на месте, либо попасть в указанную область, являющуюся входными воротами для переселенцев из Азии, вместе с миграцией; как-никак, айнам Северной Японии были отчетливо присущи кавказоидные признаки. Поэтому я позволю себе процитировать сказанное мною в заключении<sup>4</sup> именно по этому вопросу:

«В поисках происхождения этого кавказоподобного элемента в Америке раннего периода можно обратиться на восток или на север, можно предположить местное возникновение, но было бы неосторожным просто закрывать глаза на его наличие. В настоящем труде вернее всего называть все чрезвычайно различные между собой этнические группы до Колумбова времени коренным населением Нового Света, хотя известно, что ни одно американское племя, ни одна американская нация не могут

<sup>2</sup> Там же, стр. 225.

<sup>3</sup> Там же, стр. 344.

<sup>4</sup> Там же, стр. 345.

считаться зародившимися в населяемой ими ныне области. С полинезийской точкой зрения инки такие же аборигены Америки, как доинкское население».

Таким образом, ошибочно и вредно создавать у читателя представление, будто я считаю, что для создания высокоразвитых американских культур нужны были европейцы или кавказцы. Я жил в тесном общении как с американскими индейцами, так и с островитянами Полинезии, с величайшим уважением отношусь к этим народам и чрезвычайно опечален бедствиями, которые им причинила наша собственная раса. Это я старался подчеркивать во всем, что когда-либо писал. Не цвет кожи определяет уровень культуры или интеллекта. Лишь дальнейшее исследование сможет дать окончательный ответ на проблемы зарождения культур Старого и Нового Света. Пока ничто не говорит против возможности возникновения цивилизации Нового Света совершенно независимо от древних культур Азии, Африки и Европы; хотя не исключена также и возможность того, что до Колумба и викингов другие люди пересекали мировые океаны, и коренное население Америки оказалось достаточно сметливым, чтобы воспринять то, что группа пришельцев не изобрела сама, а получила в наследство от многочисленных предшествующих поколений. Поэтому я не отказываюсь от своего утверждения и рассматриваю доинкское население как американское.

Южно-американская археология показывает с полной очевидностью, что перенаселенность и распри в обитаемых долинах вдоль засушливого побережья Перу вновь и вновь приводили к тому, что местные культуры вытеснялись и исчезали вследствие переселений из соседних долин или с высокогорного плато внутри материка.

**Вопрос третий.** Авторы рецензии совершенно отвергают Ваше воззрение, будто среди полинезийцев были европеоидные черты. «Светлая пигментация кожи, если она попадает среди полинезийцев, должна быть отнесена за счет альбинизма и ни в коем случае не свидетельствует о наличии признаков европеоидности» (стр. 148). «...утверждения Хейердала о наличии „белой расы“ на острове Пасхи лишены научного основания» (стр. 149).

Не могли бы Вы рассказать, что показали Ваши последние исследования в этой области?

**Ответ.** Утверждение, будто среди полинезийцев не было светлокожих индивидов, а если они и были, то это следует целиком отнести за счет альбинизма, говорит о том, что авторы считают этот характерный для полинезийцев признак выдуманным мною. Это опять-таки совершенно ошибочно.

Известный исследователь Полинезии П. Смит в своем классическом труде «Гавайи»<sup>5</sup> писал о полинезийском населении: «Во всей этой расе, где бы мы ее ни встречали, наблюдается прослойка светлокожих людей, которые не альбиносы, хотя у них совсем светлые волосы и светлая пигментация кожи. Среди маорийцев эта прослойка в некоторых родах подчас проходит через много поколений; в других случаях можно предположить как бы возврат первоначального типа, давшего ей начало». Известный знаток маори Э. Бест пишет: «Среди черноволосых туземцев Новой Зеландии упорно сохраняется светлокожий тип с рыжими волнистыми волосами, пусть даже в одном роду он появляется через поколение. Правда, такие роды не многочисленны, хотя утверждают, что эта прослойка появилась из восточной Полинезии много поко-

<sup>5</sup> S. P. Smith, *Hawaiki. The Original Home of the Maori*, Wellington (New Zealand), 1910, стр. 131.

лений тому назад. Настоящий альбинизм наблюдался здесь редко»<sup>6</sup>. Известный исследователь Полинезии П. Бак указывает, что среди чистокровных маори попадаются отдельные с более светлой пигментацией кожи и рыжеватыми волосами. Он пишет: «Сами маори говорят о разной пигментации кожи. Есть немало преданий о рыжеволосой, светлокожей домаорийской расе, известной под названием „туреху“ или „патуаиарехе“. Одно из племен „патуаиарехе“ называли „паке-пакеха“, и по одной из существующих теорий отсюда пошло слово „пакеха“, применяемое в отношении светлокожих европейцев в отличие от более темнокожих маори. По сей день распространено мнение, что если среди чистокровных маори встречается светлая кожа и рыжеватые волосы, то это — наследство от предка из числа „патуаиарехе“. О светлой коже говорят „киритеа“<sup>7</sup>. Дальше П. Бак пишет о волосах маори: «Цвет обычно черный, но встречаются каштановые и рыжие волосы. Установлено, что в некоторых племенах рыжие волосы были сильно распространены, причем они были присущи определенным родам. Чаше они как будто встречались у тухоэ, маниапо и у других племен группы вангануи. Рыжие волосы называют „урукеху“; считалось, что это один из признаков, унаследованных от патуаиарехе... В Оклендском музее есть локон чудесных волнистых рыжих волос, найденный в гроте недалеко от Ваитакереи. О том, что этот локон относится к доевропейскому времени, говорит следующее обстоятельство: корни волос сплетены и перевязаны тонкой косичкой из того же локона»<sup>8</sup>.

Видный специалист по Полинезии Р. Линтон пишет: «Позднейшие исследования физических типов окончательно доказали, что полинезийцы — не чистая раса, они составлены по меньшей мере из трех расовых элементов». Один компонент он определяет как брахицефальную расу со слабым монголоидным родством, второй как долихоцефальную негроидную расу и третий как «долхоцефальную или мезоцефальную расу, обнаруживающую отдаленное кавказское родство... Частота и распределение двух негроидных рас как будто указывает на то, что они пришли в эту область в почти чистой форме. Все три расы представлены на большинстве полинезийских островов, но на каждом архипелаге пропорция варьируется»<sup>9</sup>. Его коллега Р. Диксон также указывает на присутствие светлокожего, светловолосого народа в Полинезии до появления европейцев: он говорит: «Пока что этот светлокожий народ остается загадкой»<sup>10</sup>. Е. Брайан пишет: «Широкие исследования на протяжении ряда лет почти во всех областях Полинезии показывают, что эти люди, видимо, происходят от кавказоподобных предков, которые во время своих миграций смешались с монгольскими и меланезийскими народами»<sup>11</sup>. Специалист по крови Дж. Филлипс исследовал несколько рыжеволосых, светлокожих представителей племени те арава и пришел к заключению, что они «потомки ранней, чужой расы, которая ушла в горы, когда в Новой Зеландии высадились маори»<sup>12</sup>. Дж. Коуэн спе-

<sup>6</sup> E. Best, *The Maori*, Wellington (New Zealand), 1924, т. 1, стр. 7.

<sup>7</sup> P. H. Buck, *Maori Somatology. Racial Averages*, «Journal of the Polynesian Society», т. 31, New Plymouth (New Zealand), 1922, стр. 32.

<sup>8</sup> Там же, стр. 40.

<sup>9</sup> R. Linton, *The Material Culture of the Marquesas*, «B. P. Bishop Museum Memoir», т. 8, № 5, Honolulu, 1923, стр. 447.

<sup>10</sup> R. B. Dixon, *A New Theory of Polynesian Origins. A Review*, «Journal of the Polynesian Society», т. 30, № 2, 1921, стр. 82.

<sup>11</sup> E. H. Bryan, *Hawaiian Nature Notes*, Honolulu, 1935, стр. 60.

<sup>12</sup> G. Phillips, *The Blood Groups of the Maori*, «Human Biology», т. 3, Baltimore, 1931, стр. 286.

циально изучал этот неожиданный для Полинезии расовый элемент и заключает: «Этот чрезвычайно древний светловолосый народ оставил после себя прослойку урукеху в большинстве старых племен»<sup>13</sup>. Сотрудники музея Бишоп в Гонолулу также уделили значительное внимание этому европеоидному элементу в Полинезии, и Дж. Стоукс доказывает, что туземцы-блондины эху на Гавайских островах не происходят от испанцев, вопреки утверждениям некоторых, а являются представителями все того же племени урукеху, которое мы видим во всей исконной Полинезии<sup>14</sup>. Его коллега К. Хэнди в 1923 г. писал: «Во всяком случае, с уверенностью можно сказать, что Маркизские острова, подобно остальной Полинезии, еще до первого исторически известного посещения европейцами знали о существовании белой расы... Присутствие кавказской крови в туземном физическом комплексе, показанное записками первооткрывателей, а также подтвержденное антропологическими исследованиями нашей экспедиции, заслуживает внимания в этой связи... Известная достоверность заключена и в утверждениях ныне живущих туземцев, со многими из которых я обсуждал этот вопрос. Они все утверждают, что в старину, до появления европейцев, среди их народа у многих была очень светлая кожа и рыжеватые волосы»<sup>15</sup>. Позднее (в 1927 г.) тот же автор указывал: «Антропометрические исследования, проведенные музеем Бишоп на протяжении последних лет, показали, что среди полинезийцев есть субстрат кавказоидной крови и тенденция к светлым волосам»<sup>16</sup>.

В моей книге «Американские индейцы в Тихом океане»<sup>17</sup> я цитирую сообщения европейских первооткрывателей Полинезии, наблюдавших отдельных индивидов со «светлой кожей, песочными волосами и европейскими чертами» среди исконно полинезийского населения на далеко отстоящих друг от друга островах. Вряд ли нужно приводить еще цитаты, но поскольку в рецензии специально подчеркивается, что у меня нет оснований для утверждения о наличии светлого элемента на острове Пасхи, сошлюсь хотя бы на то, что касается этого острова.

Беренс, спутник Роггевена во время открытия острова Пасхи в 1722 году, писал об увиденных ими туземцах: «Цветом кожи они смугловатые, оттенок напоминает цвет кожи испанца, но есть и более темные, а также совершенно белые, кроме того несколько человек с красным цветом кожи, словно они сильно обгорели на солнце»<sup>18</sup>. Говоря о первых туземцах острова Пасхи, поднявшихся на борт корабля, он отметил что «один из них был совершенно белый человек»<sup>19</sup>. Когда испанцы повторно открыли остров Пасхи в 1770 году, Агуэра писал, что цвет кожи туземцев острова варьирует от «смуглого» до «красного» и «белого», и также цвет волос — от черного до каштанового, рыжеватого, даже коричневого<sup>20</sup>. Эрве добавляет, что многие были

<sup>13</sup> J. Cowan, The Patu-Paiarehe, «Journal of the Polynesian Society», т. 30, 1921, стр. 97.

<sup>14</sup> J. F. G. Stokes, Spaniards and the Sweet Potato in Hawaii and Hawaiian-American Contacts, «American Anthropology», т. 34, № 4, 1932, стр. 597.

<sup>15</sup> E. S. C. Handy, The Native Culture in the Marquesas, «B. P. Bishop Museum Bulletin», № 9, Honolulu, 1923, стр. 11.

<sup>16</sup> Его же, Polynesian Religion, «B. P. Bishop Museum Bulletin», № 34, Honolulu, 1927, стр. 105.

<sup>17</sup> Т. Heyerdahl, Указ. раб., стр. 194—197.

<sup>18</sup> C. F. Behrens. Der wohlversuchte Süd-Länder, das ist: Ausführliche Reisebeschreibung um die Welt (English Translation), Hakluyt Society, 2nd Series, № 13, Cambridge 1908, стр. 136.

<sup>19</sup> Там же, стр. 134.

<sup>20</sup> F. A. Agüera y Infanzon, Journal of the Principal Occurrences during the Voyage of the Frigate «Santa Rosalia» in the year 1700, Hakluyt Society, 2nd Series, № 13, Cambridge, 1908, стр. 96.

бородаты и «если бы их одеть по-нашему, то их вполне можно было бы принять за европейцев»<sup>21</sup>. Миссионер Эйро, первый европеец, поселившийся на острове Пасхи, в своих записках указывал: «Цвет их кожи, хотя и с медным оттенком, не очень отличается от европейского, а многие — совершенно белые»<sup>22</sup>.

В своей классической книге об острове Пасхи английская исследовательница К. Рутлэдж пишет: «Записи Роггевена о том, что у населения можно увидеть все цвета кожи, по-прежнему сохраняют свою точность. Островитяне и сами отдают себе отчет в своем разнообразии; когда мы собирали генеалогии, они определенно указывали цвет кожи даже отдаленных родственников. Дескать двоюродная бабушка Сусан была „белая“, а двоюродная бабушка Жемима — „черная“. Последний настоящий король, или вождь, был, по их словам, совершенно белым... Очевидно, что здесь налицо смешанная раса...»<sup>23</sup>.

Лучший ныне живущий знаток туземцев острова Пасхи, патер Себастиан Энглерт пишет, выделяя особым шрифтом в своей книге (которую Н. Бутинов, Р. Кинжалов и Ю. Кнорозов цитируют в другой связи и, следовательно, должны бы знать):

«Необычайное сходство с белой расой. Согласно преданию, в прошлом у многих туземцев была белая пигментация кожи, голубые глаза и рыжие волосы. Нынешнее население до сих пор помнит стариков, умерших в конце прошлого столетия и начале нашего, которых отличали указанные признаки»<sup>24</sup>. Всю свою главу о физическом типе населения острова Пасхи Энглерт сосредоточивает вокруг вопроса о «поразительном сходстве с белой расой».

Таким образом, у меня есть полное основание говорить о светлокожих элементах на острове Пасхи и в Полинезии в целом и что речь идет не об альбиносах.

**Вопрос четвертый.** Н. Бутинов, Р. Кинжалов, Ю. Кнорозов готовы признать возможность связей между Америкой и Полинезией, но они оспаривают утверждение, что «имело место переселение из Америки в Полинезию» (стр. 145). Они считают, что против такой возможности говорит прежде всего родство полинезийских и индонезийских языков, этнографические данные, а также антропология и археология (стр. 145—146). Далее авторы рецензии напоминают, что есть общие черты между культурами Северной и Южной Америки и народов Океании, между Южной Америкой и Индонезией-Меланезией. «...теория заселения Полинезии из Америки, даже если бы она не шла в разрез с фактом родства полинезийцев и индонезийцев, этой проблемы не решает, ибо черты, сходные с культурой американских индейцев, наблюдаются не только в Полинезии, но и в Меланезии, Индонезии и на азиатском континенте» (стр. 146).

Вы по-прежнему убеждены, что было переселение из Америки? Какие аргументы говорят в пользу такого утверждения?

**Ответ.** Хорошо известно, что есть общие черты между культурами Южной и Северной Америки и Океании, а также Азиатского материка.

<sup>21</sup> J. Hervé, Narrative of the Expedition undertaken by Order of His Excellency Don Manuel de Amat, Viceroy of Peru..., Hakluyt Society, 2nd Series, № 13, Cambridge, 1908, стр. 127.

<sup>22</sup> E. Eyraud, Lettre au T. R. P. Supérieur général de la Congrégation des Cacrés-Coeurs de Jésus et de Marie, «Annales d'Association de la Propagation de la Foi», т. 38, Lyon, 1866, стр. 55.

<sup>23</sup> K. Routledge, The Mystery of Easter Island. The Story of an Expedition, London, 1919, стр. 221.

<sup>24</sup> S. Engler, La Tierra de Hotu Matu'a, Padre Las Casas, Chile, 1948, стр. 203, 205.

Как Северная, так и Южная Америка заселена выходцами из Восточной Азии, которые пришли в Аляску и Северо-Западную Америку через Берингов пролив на севере, через Алеутские острова и по течению Куросиво на юге. Таким образом, шли ли полинезийцы с востока или запада, в их культуре неизбежно должны быть параллели и с Азией и с Америкой. Существующие параллели между Индонезией и Полинезией встречаются также и в Америке, но очень многое из того, что сходно для Америки и Полинезии, совершенно отсутствует в Индонезии. Это относится, в частности, к таким фундаментальным чертам полинезийской культуры, как специализированный набор рыболовных крючков, серия колотушек для «пои», палицы «пату» и «мере», три типа пращи, церемониальное употребление напитка «кава», трепанация, мумификация, накладки из перьев, развитая система кипу, отсутствие знакомства с железом, жеванием бетеля, алкоголем, колесом, струнными инструментами и др. В короткой статье невозможно пересказать 800 страниц обоснованной аргументации по этому вопросу, приведенной мною в «Американских индейцах в Тихом океане». Я попытался там показать, что все черты полинезийской расы и культуры можно объяснить, допустив субстрат из Перу, за которым последовало вторжение из Индонезии (пожалуй, вернее будет сказать, из Юго-Восточной Азии) по течению Куросиво и через Северо-Западную Америку; при этом надо помнить, что смешанное население в восточной части Тихого океана на протяжении почти двух тысяч лет имело своим ближайшим соседом и торговым партнером Фиджи с его меланезийскими растениями и домашними животными. Вкратце моя аргументация изложена в докладе «Морские пути в Полинезию», который был прочитан в Москве и в Ленинграде<sup>25</sup>.

**Вопрос пятый.** Рецензенты ссылаются особенно на Гекеля<sup>26</sup> и Хейне-Гельдерна<sup>27</sup>, которые утверждают, что культурные параллели свидетельствуют о приходе полинезийцев из Восточной Азии. Н. Бутинов, Р. Кинжалов и Ю. Кнорозов полностью согласны с Хейне-Гельдерном, считающим, что ветры и течения не могли помешать заселению Полинезии эмигрантами с запада (стр. 148).

Знакомы ли Вам аргументы Гекеля и Хейне-Гельдерна? Во всем ли Вы не согласны с ними или же часть разногласий основана на недопонимании?

**Ответ.** Единственное доказательство родства между полинезийцами и индонезийцами, которым мы располагаем, — общие древние корни в языке; они сохранились на более изолированных островах в океане, но у племен на материке подверглись многочисленным воздействиям. Однако диффузное языковое родство не позволяет остановиться на какой-то определенной области Индонезии, и современные исследователи склонны считать, что полинезийцы и индонезийцы расстались друг с другом еще до того, как кто-либо из них покинул материк Юго-Восточной Азии. Языковое родство существует вне зависимости от того, плыли ли предки нынешних полинезийцев из Азии по течению Куросиво или против экваториальных течений.

Единственный материальный элемент культуры Полинезии, который возможно указывает скорее на Индонезию — Азию, чем на Америку или Меланезию, — определенного вида каменные топоры; впрочем, в Америке можно найти другие полинезийские типы.

<sup>25</sup> См.: «Известия Всесоюзного Географического Общества», 1962, т. 4, вып. 5; «Природа», 1963, № 1.

<sup>26</sup> «Anthropos», т. 51, 1956, № 3—4.

<sup>27</sup> «Geographical Journal», т. 116, 1950, стр. 183—192 и др. статьи.

Языковое сходство вот уже скоро двести лет побуждает этнографов и археологов искать в Индонезии полинезийские следы или культурные параллели. Результат был поразительно негативным. Нет смысла цепляться за колотушку для «тапы» — ведь ее можно найти в обширных областях Америки, и она вполне могла попасть в Полинезию с архипелагов индейцев Северо-Запада. Не помогает и аутригер — ведь двойной индонезийский аутригер совершенно неизвестен в Полинезии. Островитяне Полинезии получили свой одинарный меланезийский аутригер с острова Фиджи, притом так поздно, что новозеландские маори и чатамские мориори не успели вообще познакомиться с аутригером в каком-либо варианте, когда около XIV в. совсем изолировались от других островов. Изолированные на Новой Зеландии и о-вах Чатам племена не узнали также ни меланезийской свиньи, ни курицы, которые распространились в Центральной Полинезии уже после ухода этих племен; что же до собаки — их единственного домашнего животного, — то она с таким же успехом могла появиться из Америки, где она часто встречается в инкских могилах. Не выручают и культурные растения: все полинезийские культурные растения либо заимствованы с Фиджи и других близлежащих меланезийских островов, либо прибыли из Перу. Ни одно растение, характерное именно для Индонезии — например, рис, на котором индонезийцы с древнейших времен основывали свое земледелие, — не достигло Полинезии. Как уже говорилось, критический анализ показывает, что языковой аргумент поддерживается одним-единственным элементом материальной культуры, а именно — определенным вида каменными топорами с Северных Филиппин и из ближайших областей азиатского континента. Полезно поэтому ближе рассмотреть этот вопрос, тем более, что все прочие культурные параллели сосредоточены либо в Андской области, либо на островах у побережья Северо-Западной Америки, и там же археологи находят другие типы полинезийских каменных топоров.

При попытке «провести» каменные топоры с Северных Филиппин в Полинезию возникает немало сложных проблем. Во-первых эти топоры не найдены в сочетании с каким-либо другим полинезийским культурным элементом, а богатый и разносторонний комплекс культурных параллелей — минимальное требование, предъявляемое современной наукой, когда делается попытка установить родство областей, разделенных столь огромными пространствами. Расстояние от Северных Филиппин до той части Полинезии, где обнаружены сходные каменные топоры, в три раза больше расстояния от Африки до Южной Америки или равно расстоянию от Египта до Нью-Йорка, а ведь никто не отважится говорить о контакте между этими областями, опираясь исключительно на сходство одного-единственного сравнительно простого орудия. К тому же в Полинезии вообще известно множество каменных топоров совершенно различных типов. Только на маленьком островке Питкери, который был необитаем, когда на него пришли европейцы, находят все шесть типов тихоокеанских топоров, установленные Даффом, и почти все подтипы. Между тем, ни одного типа северо-филиппинских каменных топоров не обнаружено на островах Западной Полинезии, ближе лежащих к Филиппинам, нет их и на островах Микронезии или Папуа-Меланезии, которые разделяют Полинезию и Северные Филиппины. Пытаясь «провести» эти топоры с Филиппин в Восточную Полинезию через Микронезию или Меланезию, Хейне-Гельдерн<sup>28</sup> столкнулся как

<sup>28</sup> R. v. Heine-Geldern, *Urheimat und früheste Wanderungen der Austronesier*, «*Anthronos*», т. 27, 1932, стр. 584.

с хронологическими, так и с типологическими препятствиями, и вынужден был признать, что микронезийские раковинные топоры несравнимы с доисторическими каменными топорами Индонезии, а также что существует «коренное различие» между полинезийскими и меланезийскими видами каменных топоров. Итак, огромное промежуточное пространство образовало не мост, а барьер. Дж. Веклер, который тоже пытался «провести» предков полинезийцев через коралловые островки в безбрежном микронезийском океане, признал<sup>29</sup>, что отсутствие камня в этих местах неизбежно влекло за собой создание топоров совсем других типов, раковинных, поэтому по прибытии на первые вулканические острова в Западной Полинезии мигрантам пришлось бы заново учиться делать каменные топоры. Но тут снова встает проблема: каменные топоры Западной Полинезии не похожи на упоминаемые типы с Филиппин, зато существует сходство филиппинских топоров с гавайскими и восточно-полинезийскими типами. Вот почему П. Бак безоговорочно признал, что полинезийцы получили свои топоры не с Северных Филиппин (не говоря уже об Индонезии, где существовали совершенно другие виды). Он пишет: «Можно исходить из того, что предки полинезийцев провели некоторое время на восточных атоллах, прежде чем двинулись дальше на восток. Каменные топоры, которые они захватили с собой с последнего вулканического острова, износились, и пришлось делать топоры из раковин. Новый материал затруднял, если не делал невозможным воспроизведение различных видов базальтовых топоров, которые они изготавливали раньше. Так отсутствие сырья создало неодолимое препятствие для прямого переноса из Индонезии базальтовых топоров, которыми пользовались предки. Когда же предки полинезийцев достигли Самоа и островов Общества, богатые запасы базальта позволили им отказаться от применения раковин для изготовления топоров. И, однако, обилие подходящего материала не пробудило воспоминания о формах, которые они не видели сами, и уж, конечно, не изготавливали раньше. Похоже, что по прибытии в Полинезию они заново учились делать топоры из базальта»<sup>30</sup>.

Выходит, что нам остается либо бросить попытки «провести» указанные топоры с Северных Филиппин в Восточную Полинезию, либо избрать для этого единственный естественный и доступный путь: с Филиппин по течению Куросиво на острова у побережья Северо-Западной Америки, оттуда в Восточную Полинезию через Гавайские острова, где их действительно находят. Чрезвычайно интересно: хотя этих специфических видов топора нет ни в Микронезии, ни в Папуа-Меланезии, ни в Западной Полинезии, зато близкие типы попадают именно в Северо-Западной Америке, там где от Филиппин подходит течение Куросиво. В своем труде об этих топорах в данной области Р. Олсон заключает: «Присутствие в Полинезии формы, почти идентичной с топором-альбой в Америке, указывает на древний возраст этого типа, а также на его внеамериканское происхождение»<sup>31</sup>. На это Х. Скиннер ответил: «Олсон предлагает гипотезу о родстве топоров побережья Северо-Западной Америки с полинезийскими, предполагая наличие общего протипа у побережья Восточной Азии... Похоже, что эта, а также многочисленные другие культурные параллели между Океанией и побережьем Северо-Западной Америки объясняются общими культур-

<sup>29</sup> J. E. Weckler, *Polynesian Explorers of the Pacific*, «Smithsonian Institution War Background Studies», № 6, Washington, 1943, стр. 20.

<sup>30</sup> P. H. Buck, *The Coming of the Maori*, Wellington (New Zealand), 1949, стр. 181.

<sup>31</sup> R. L. Olson, *Adze, Canoe and House Types of the Northwest Coast*, «University of Washington Publications in Anthropology», 2, Seattle, 1927, стр. 30.

ными истоками у побережья Восточной Азии. В Северо-Западную Америку эти общие элементы, видимо, попали северным путем, вдоль берегов Тихого океана, а не прямым через океан»<sup>32</sup>.

Решение напрашивается: Полинезия получила эти топоры тем же самым путем, по течению Куросиво и через северную часть Тихого океана. Как бы то ни было, эти топоры не могут явиться аргументом, подтверждающим переселение из Индонезии через Микронезию или Меланезию — но тем самым отпадает единственный элемент материальной культуры, который как будто бы противоречил предложенным мною маршрутам.

Бутинов, Кинжалов и Кнорозов цитируют австрийского археолога, который считает, что ветры и течения могли доставить первых неолитических иммигрантов из Индонезии в Полинезию через Микронезию. Такой аргумент не производит на меня солидного впечатления. Я мог бы процитировать многочисленных археологов из разных стран, которые считали, что ветер и течения не могли доставить в Полинезию неолитических иммигрантов из Перу. Практика показала, что эти теоретики ошибались. Когда речь идет о подобных этномаринистических утверждениях, я верю лишь тому, кто сам состязался с мировыми океанами, а не гипотезам, родившимся в мягком кресле. Единственным, кто на деле попытался доказать, что доевропейское судно могло из Филиппинского моря через Микронезию пройти в Полинезию, был француз Эрик де Бишоп, который тогда поддерживал старую теорию. Его неудача была полной, и после трех лет тщетных усилий пройти против океанских течений, он оставил свой эксперимент и утратил веру в старую теорию; взамен де Бишоп попробовал пройти противоположным путем, из Полинезии в Индонезию. Это сразу же удалось, и он написал: «Общепринятое воззрение, что Полинезия заселена из Малайзии или из какого-либо другого центра на западе, очень трудно, я бы сказал даже — невозможно принять! Как моряк, я в первую очередь старался изучить и осветить мореходные трудности такой миграции — они многочисленны, весьма многочисленны, чересчур многочисленны!»<sup>33</sup>.

Пока мои оппоненты не доказали противоположного, я предпочитаю верить единственному человеку, который на деле совершил такую попытку.

**Вопрос шестой.** Авторы рецензии считают группы крови весьма сомнительным критерием, когда речь идет об установлении этнического родства (стр. 148). И они заключают, что данные антропологии говорят то же, что и лингвистика: предки полинезийцев вышли из Азии.

Считаете ли Вы по-прежнему, что факторы крови — надежный критерий?

**Ответ.** Авторы рецензии считают группы крови весьма сомнительным аргументом, когда речь идет об этническом родстве. Позволю себе предположить, что они, возможно, с большим интересом отнеслись бы к группам крови, если бы кровь полинезийцев указывала бы на параллели с Индонезией — чего однако нет. Какими антропологическими факторами располагаем мы сегодня, которые более надежно говорили бы о наследственности и лучше следовали бы закону Менделя? Форма головы, носа, волосатость, рост, цвет кожи? Думаю, что ни один из этих

<sup>32</sup> H. D. Skinner, On the Patu Family and its Occurrence beyond New Zealand, «Journal of the Polynesian Society», т. 40, № 4, New Plymouth (New Zealand), 1931, стр. 194.

<sup>33</sup> E. Bisschop, Kaimiloa, Paris, 1939, стр. 57.

анти-  
ви,  
зий  
про-  
вал  
«Эт-  
ле-  
при-  
фо-  
сат  
Сэ-  
че-

ме-  
пу-  
ни-  
дв-  
це-

се-

и-  
и-  
и-

в

к

с

т

т

г

н

а

э

и

и

и

и

и

антропологических факторов не сравнится надежностью с группами крови, а если бы и сравнился, то это дела не меняет, потому что полинезийцы и по всем этим признакам отличны от индонезийцев. Достаточно процитировать видного антрополога Л. Сэлливена, который рассматривал возможность родства полинезийцев с индонезийцами и заключил: «Это родство довольно сомнительно и во всяком случае весьма отдаленно, о чем говорит сильное отклонение едва ли не по всем изученным признакам. Индонезиец противоположен полинезийцу по чертам лица, форме головы и носа. Их различает также степень пигментации, волосатость лица и тела, толщина губ, рисунок глаз»<sup>34</sup>. Одновременно Сэлливен показал, что ближайшие параллели полинезийским расовым чертам обнаруживаются у американских племен<sup>35</sup>.

После исследований Сэлливена в качестве дополнительного аргумента появились анализы крови. Здесь самым свежим трудом является публикация Симмонса «Гены групп крови у полинезийцев и сопоставление с другими народами Тихого океана»<sup>36</sup>, где автор излагает итоги двадцатипятилетних исследований в Мельбурнской лаборатории — центре изучения крови тихоокеанских народов. Его вывод:

«В заключение можно следующим образом охарактеризовать общесерологическое сходство с Полинезией:

|                          |                                                                               |
|--------------------------|-------------------------------------------------------------------------------|
| Американские индейцы:    | Отсутствие В, высокое М, высокое R <sub>2</sub> , умеренное Fy <sub>a</sub> . |
| Австралийские аборигены: | Отсутствие В, высокое А.                                                      |
| Меланезийцы:             | Никакого сходства.                                                            |
| Микронезийцы:            | Никакого сходства.                                                            |
| Индонезийцы:             | Высокое М.                                                                    |
| Айны:                    | Никакого сходства.                                                            |

Если проводить такие сопоставления с полинезийцами и признавать их смысл, то мы видим сходство по четырем пунктам с американскими индейцами, по двум с австралийскими аборигенами, по одному с индонезийцами и никакого с меланезийцами, микронезийцами и айнами»<sup>37</sup>.

Здесь стоит отметить, что единственное сходство с индонезийцами — высокий фактор М, но в этом же полинезийцы сходятся и с Америкой.

Можно, конечно, спрятать голову в песок и игнорировать группы крови, но нельзя отрицать, что исследования крови в Полинезии и соседних областях проводились именно в надежде получить ценное генетическое указание на родство полинезийцев по отношению к своим тихоокеанским соседям. Нельзя также отрицать, что анализы крови разочаровали тех, кто ждал показаний о генетическом родстве с Индонезией, но они нисколько не поколебали теории, рассматривающей Америку как последний «транзитный порт» полинезийцев. Какими аргументами в пользу физического родства располагают сторонники индонезийской теории теперь, когда их подвели также и современные исследования крови?

**Вопрос седьмой.** В рецензии упоминается о противоречиях между тем, что рассказываете Вы, и тем, что С. Энглерт пишет в своей книге «Страна Хоту Матуа». В частности С. Энглерт утверждает, что, согласно преданиям, Хоту Матуа приплыл с запада, а не с востока; далее, слово «ханау-эопе» он переводит «толстые» (стр. 149).

<sup>34</sup> L. R. Sullivan, Marquesas Somatology with Comparative Notes on Samoa and Tonga, «B. P. Bishop Museum Memoir», т. 9, № 2, Honolulu, 1923, стр. 232.

<sup>35</sup> Там же, стр. 229.

<sup>36</sup> «Oceania», Sydney, 1962.

<sup>37</sup> Там же, стр. 209.

Каким образом можно объяснить эти расхождения?

**Ответ.** Обращаясь к преданиям острова Пасхи, три автора рецензии, вместо того чтобы заглянуть в первоначальные источники, цитируют современного священника. Я лично отношусь с большим уважением к патеру Себастиану Энглерту, он мой близкий друг, но он мог говорить только с туземцами-христианами двадцатого столетия. Они рассказали ему<sup>38</sup>, что родина их предков находилась где-то на северо-востоке от острова Пасхи, а не на западе, как пишут рецензенты. Но что бы ни говорили в нашем веке пасхальцы — а их рассказы очень противоречивы, — объективный исследователь обязан отдавать предпочтение преданиям, записанным еще до введения на острове христианства в то время, когда первые европейцы поселились на острове и собирали сведения среди исконного населения, для которого предания были живыми культурными ценностями. Обратимся же к первоисточникам.

Первым с большим увлечением собирал на острове Пасхи предания полутаитянин, овцевод А. П. Салмон, поселившийся там в 1877 году, одиннадцать лет спустя после попытки четырех миссионеров из Европы обосноваться на острове. Записи чрезвычайно важных данных, собранных Салмоном, были сделаны англичанином В. Ф. Кларком, который доносил в письме в британское адмиралтейство: «Господин Салмон свободно владеет туземным языком... поэтому я думаю, что можно положиться на полученные мною сведения о местных именах и преданиях... Господин Салмон говорит, что после долгих бесед с туземцами он узнал от них, что первые поселенцы высадились в северной части острова, в Анакене, а приплыли они с востока на двух судах...»<sup>39</sup>. Слово «восток» было подчеркнуто уже в оригинальном докладе.

Четыре года спустя к острову подошел американский военный корабль «Могижан». Томсон и судовой врач Кук более подробно воспроизводят сведения, собранные Салмоном; они использовали его как переводчика для непосредственной беседы с ученым стариком тангата ронго-ронго, которому было почти шестьдесят лет, когда перуанские работоторговцы увезли с острова почти всех ученых-пасхальцев. Томсон писал: «Остров был открыт королем Хоту-Матуа, который прибыл из страны, лежащей на восход...»<sup>40</sup>. Эта страна характеризовалась тем, что «в определенное время года все растения высушивались и сжигались палящим солнцем». Два месяца потребовалось предкам, чтобы пересечь океан, идя из засушливой страны на востоке; чтобы попасть на остров Пасхи, они «правили на закат». Томсон подчеркивает: «трудно объяснить это утверждение, так часто повторяющееся во всех легендах, что Хоту-Матуа приплыл с востока и открыл остров идя на закат...»<sup>41</sup>. Цитированный текст — старейшая версия, известная на острове Пасхи, и она все еще бытовала среди населения в 1911 году, когда остров посетила чилийская экспедиция. Кнохе также записал сведения о том, что предки пришли с востока<sup>42</sup>. В это время старое поколение начало исчезать, христианство прочно укоренилось, а новое поколение испытало влияние новых географических знаний и многочисленных теорий о за-

<sup>38</sup> S. Englert, Указ. раб., стр. 18, 19.

<sup>39</sup> B. F. Clark, Reporting Calling at Sala-y-Gomez and Easter Island. Letter to the Commander-in-Chief written off Easter Island, June 20, 1882, «Proceedings of the Royal Geographical Society of Australasia», т. 3, стр. 144.

<sup>40</sup> W. J. Thomson, Te Pito te Henua, or Easter Island, «Report of the U. S. National Museum for the Year ending June 30, 1889», Washington, 1889, стр. 526.

<sup>41</sup> Там же, стр. 532.

<sup>42</sup> W. Knoche, Vorläufige Bemerkungen über die Entstehung der Standbilder auf der Osterinsel, «Zeitschrift für Ethnologie», т. 44, Berlin, 1912, стр. 873, 874.

сел  
191  
ли  
пр  
па  
Ру  
нес  
по  
по  
ны  
Те  
М  
ту  
до  
кс  
не  
сл  
К  
ни  
п.

э  
у  
С  
д  
п  
п  
с  
ч  
г  
н  
и  
с  
и

селении острова Пасхи, выдвинутых европейцами. И когда в 1914—1915 гг. на острове работала британская экспедиция, К. Рутледж могла лишь отметить, что старейшие среди туземцев уже не знали, откуда пришел Хоту-Матуа, зато молодой пасхалец-солдат, говорящий по-испански, Хуан Тепано считал, что, наверное, с архипелага Туамоту<sup>43</sup>. Рутледж добавила: «Ввиду молодости его познания о легендах уже несколько удалились от оригиналов...». Двадцать лет спустя остров посетила франко-бельгийская экспедиция; теперь все тот же говорящий по-испански Хуан Тепано стал намного старше и считался местным ученым, от него Метро<sup>44</sup> получил свою главную информацию; впрочем, Тепано ничего не сказал о том, в какой стороне была родина Хоту-Матуа. Ныне и Хуан Тепано умер, поэтому патеру Себастиану Энглерту (как и нам, когда мы работали на острове Пасхи) приходится довольствоваться сведениями, сообщенными еще более молодым поколением. Эти сведения во многом чрезвычайно интересны, однако они не могут сравниться в ценности с первыми записями, сделанными со слов дохристианского населения. Вот почему я в отличие от Бутинова, Кинжалова и Кнорозова предпочел цитировать первоначальные источники, а они все недвусмысленно подчеркивают, что Хоту-Матуа приплыл с востока, а не откуда-либо еще.

По той же самой причине я предпочитаю переводить слово «ханау-эпе»<sup>45</sup> или «ханау-эпепе», как стали писать позднее, словом «длинноухие», а не «толстые». Дело в том, что в текстах прошлого столетия Салмона и Томсона отчетливо говорится о «длинноухой расе». В 1911 году Кнохе специально исследовал этот вопрос, беседуя со старейшими пасхальцами в присутствии примерно семидесяти островитян. Он пишет: «В прошлом там были две расы, которые заметно отличались одна от другой длиной своих ушей»<sup>46</sup>. И еще: «Из преданий мы знаем, что остров был заселен дважды: сначала длинноухими, затем другой расой (?), короткоухими. По преданию, длинноухие воздвигли монументы, но короткоухие, хотя и прибыли позже, как будто участвовали в этом деле... под начальством длинноухих. Об этом детально рассказывается в легенде о длинноухих и короткоухих»<sup>47</sup>. Рутледж записала название легендарного народа ханау-эпе, переводя его «длинноухие»<sup>48</sup>. Единственный, кто считает, что надо переводить «толстые», — патер Себастиан Энглерт<sup>49</sup>, но тут его не поддерживают даже современные пасхальцы, единодушно утверждающие, что один народ был не толще другого, но что «длинноухих» называли так из-за искусственно удлиненных ушей — такими они и представлены как на больших каменных скульптурах, так и на маленьких деревянных изображениях (моаикавакава) бородатых и длинноухих фигур. Обычай удлинять уши на манер легендарных и почти целиком истребленных длинноухих жил на острове Пасхи до исторических времен. Зато нет никаких данных, которые говорили бы о том, что первичное население острова было «толще» позднейших пришельцев!

**Вопрос восьмой.** После выхода в свет «Археологии острова Пасхи» очевидно, что археологическая часть рецензии уже не так актуальна.

<sup>43</sup> K. Routledge, Указ. раб., 282.

<sup>44</sup> A. Métraux, Ethnology of Easter Island, «B. P. Bishop Museum Bulletin», № 160, Honolulu, 1940, стр. 57.

<sup>45</sup> K. Routledge, Указ. раб.

<sup>46</sup> W. Knoche, Die Osterinsel, Conception, 1925, стр. 298.

<sup>47</sup> Там же, стр. 228.

<sup>48</sup> K. Routledge, Указ. раб., стр. 280.

<sup>49</sup> S. Englert, Указ. раб., стр. 88, 89.

Разрешите тем не менее изложить некоторые контраргументы в рецензии, возможно вы захотите ответить на основе позднейших исследований.

«Некоторые из каменных сооружений Рапануи он (Хейердал) считает идентичными по строительной технике сооружениям инкского периода в Перу. Однако период Тиахуанаку все исследователи южноамериканской археологии в настоящее время датируют X—XIII вв. н. э. Чтобы избежать хронологического разрыва, Хейердал утверждает, что тиахуанаки в инкский период еще находились на территории Перу и передали полудиким еще инкам свою культуру... однако усматривать какую-либо связь между строительной техникой периода Тиахуанаку и инкского периода невозможно. Строители Тиахуанаку широко применяли для соединения отдельных каменных блоков медные штыри и скрепы. Ничего подобного в инкский период не встречается, наиболее распространенной была тогда так называемая циклопическая кладка, лишь в правление последних инков замененная кладкой из отесанных квадров» (стр. 150).

«В „Аку-аку“ Хейердал ограничивается лишь утверждением, что с памятниками Тиахуанаку совпадают только вновь найденные им, а не известные прежде статуи...», «общность породы камня... не может служить доказательством правильности его гипотезы». «Кроме того, о каком-то совпадении можно говорить лишь в одном конкретном случае: это сидящий на поджатых ногах исполин». «Остальные же опубликованные Хейердалом статуи... попадают в те стилистические группы, которые были намечены для рапануйских изваяний К. Гюнтером, и, следовательно, не могут служить доказательством перуанского происхождения стиля скульптур острова Пасхи» (стр. 150).

**Ответ.** Мои беседы с авторами статьи во время недавней очень интересной поездки в СССР, благодаря отличному переводчику проходили без каких-либо недоразумений. Поскольку мой труд «Американские индейцы в Тихом океане» вышел только на английском языке, им, очевидно, было трудно разобраться в 800 страницах непереведенного текста, что ясно видно из вопросов 1, 2, 3 и 8. Итак, они утверждают, будто я отождествляю некоторые пасхальские строения с сооружениями инкского периода в Перу. Это неверное утверждение, основанное на явном непонимании. Напротив, в главе «Полинезия и хронология в Перу» я специально подчеркиваю, что «надлежит перенести внимание с инков и их современников на культуры более ранних периодов, периодов Тиахуанако. Это означает, что сопоставление исключительно инкских и маорийско-полинезийских культурных элементов и черт никак не согласуется с проблемой, стоящей перед нами... Вместо того чтобы здесь сравнивать двух неродственных между собой завоевателей — инков и нынешних полинезийцев, которые вышли из разных точек и подчинили себе различные географические области, нам следует искать глубже под поверхностью возможные доказательства того, что и те и другие перекрыли местные следы одного и того же племени, создавшего свою культуру»<sup>50</sup>.

Дальше те же авторы приписывают мне утверждение, будто тиахуанаки еще были в Перу в инкский период. Это тоже неверно, что видно хотя бы из уже приведенной цитаты, где я как раз призываю перенести внимание с инков и их современников на культуры более ранних периодов, периодов Тиахуанако. Относительно хронологи-

<sup>50</sup> T. Heyerdahl, E. N. Ferdon, W. Mulloy, A. Skjølsvold, C. S. Smith, Archaeology of Easter Island, Monograph of the School of American Research and the Museum of New Mexico, London, Chicago, Stockholm, 1961, стр. 221.

ческой последовательности инкского и прединкского тиахуанского периодов я пишу, в частности:

«Беннет начинает датировку собственно инкских владык примерно с 1250 года нашей эры, Минз — примерно с 1100 года. Даже если допустить очень широкое отклонение и включить в линию инков весьма сомнительные имена, придется признать, что местный период, отвечающий эмиграции в Полинезию в пятом веке, — явно доинкский период Перу...»<sup>51</sup>.

И далее: «Культуры исконного Перу относятся к временам, намного предшествующим первой колонизации полинезийских островов. Столь же уверенно мы знаем, что в середине I тыс. н. э. ведущие культуры развернули активные торговые связи вдоль засушливого тихоокеанского побережья Южной Америки, а также с внутренним Андским высокогорьем. Притом некоторые из этих культур были в своем искусстве и архитектурных достижениях выше последующей инкской культуры, воспринявшей их образцы. Главными местными культурами этого важного доинкского периода были Ранняя Чиму на побережье Северного Перу, Ранняя Наска несколько южнее, Чавин в северной возвышенной части материкового Перу и Ранняя Тиахуанако южнее на том же плато. Были также менее важные подчиненные культуры и промежуточные стадии, связанные с племенными различиями, взаимной торговлей и проникновением племен. Одной из наиболее выдающихся, жизнеспособных и распространенных до инков была культура Тиахуанако; ее влияние можно проследить в обширных областях материка на тихоокеанской стороне Южной Америки. Как Беннет<sup>52</sup>, так и Крэбер<sup>53</sup> показывают, что археология вскрывает наличие двух больших периодов экспансии в Перу до инков, когда последовательно каждая из двух высокогорных культур — Тиахуанако и Чавин — распространилась, приобретя панперуанское влияние».

Со стороны авторов рецензии неосторожно говорить о «хронологическом разрыве» между сооружениями острова Пасхи и Тиахуанако. Для этого они должны располагать надежными источниками для датировки: а) сооружений острова Пасхи и б) сходных им сооружений культуры Тиахуанако.

а) Единственные, кто датировал сооружения острова Пасхи, — три американских археолога Фердон, Меллой и Смит, а также норвежский археолог Шельсволд; все они участвовали в моей экспедиции. Они пришли к выводу, что местная культура на тысячу лет старше, нежели полагала наука, причем сооружения, сходные с андскими, оказались старшими по возрасту, а не младшими, как считалось до сих пор. Это показывает, сколь опасно исходить из привычных теоретических предположений, вместо того чтобы вооружаться надежными фактами.

б) До сих пор ни одно мегалитическое сооружение Тиахуанако не было предметом стратиграфических раскопок и прямой датировки, вот почему остается широкий простор для догадок. Три автора рецензии относят период Тиахуанако примерно к 1000-1300 гг. нашей эры, между тем специалист по Андам Минз относит начало периода Тиахуанако к примерно 200 году н. э.; другие исследователи, опираясь на современные радиоуглеродные датировки для доинкских культур Перу, относят период Тиахуанако к еще более древним временам. О том, что высокоразвитая характерная доинкская техника каменной кладки, которую мы ви-

<sup>51</sup> «Archaeology of Easter Island», стр. 221.

<sup>52</sup> W. C. Bennett, The Position of Chavin in Andean Sequences, «Proceedings of the American Philosophical Society», т. 86, Philadelphia, 1943, стр. 326.

<sup>53</sup> A. L. Kroeber, Peruvian Archaeology in 1942, «Viking Fund Publications in Anthropology», 4, New York, 1944, стр. 115.

дим также в старейших сооружениях острова Пасхи, в Перу относится к очень древним временам, говорит и такой факт: она не ограничивается областью Тиахуанако, а встречается дальше на север вплоть до Оллантай-Тамбо, Куско и Руми-Колке. В Руми-Колке стены этого типа — наиболее древние из трех перекрывающих друг друга различных видов<sup>54</sup>.

Чтобы получить надежные данные о возрасте и происхождении руин Тиахуанако, нужны обширные археологические раскопки в этой огромной области с их многочисленными разветвлениями в Андах, тем более что мы не располагаем письменными историческими источниками. Старейшее письменное сообщение о Тиахуанако составлено Съеза де Леоном (1553—1560), который одним из первых европейцев увидел развалины. Он спросил, были ли эти исполинские сооружения воздвигнуты во времена инков, местные жители ответили смехом и рассказали, что сооружения построены задолго до прихода к власти инков, в ту пору, когда на острове Титикака и в Винаке жил «белый и бородатый народ».

Поскольку я, вопреки утверждению авторов статьи, не считаю инков «полудикими», но во многом склонен больше полагаться на них, чем на тогдашних испанцев, то и нахожу эти слова, сказанные в государстве инков, весьма многозначительными. Это предание продолжало жить в Тиахуанако еще триста пятьдесят лет после того, как его впервые услышал Съеза, и Боллерт пишет в своем докладе о руинах: «Есть смутные предания о том, что Тиа Хуанако построено белыми бородатыми людьми»<sup>55</sup>. Банделье предпринял первые раскопки развалин на острове Титикака и услышал от стариков-туземцев, что первоначально на острове жили белые люди, напоминающие европейцев, и называли они себя «рингрим», что означает «ухо», так как у них были искусственно удлиненные уши<sup>56</sup>. Местные жители утверждали, что именно эти белые бородатые люди с удлинёнными ушами построили Тиахуанако.

У нас нет никаких научных доказательств, свидетельствующих, что эти инкские предания основаны на фактах, но вероятность того, что исторически известное население области Тиахуанако и острова Пасхи независимо друг от друга придумало одно и то же описание внешности каменщиков, очень мала, особенно если учесть, что в истории инкского государства от Тиахуанако до Куско и Эквадора повсеместно говорится о том, как белые и бородатые длинноухие покинули Перу, спустившись к засушливому побережью и уйдя в океан, и одновременно древнейшие предания острова Пасхи сообщают, что те же странные длинноухие, владеющие той же техникой мегалитических сооружений, прибыли на остров после двухмесячного плавания из засушливого края на востоке. Тот факт, что сходный с андским стиль каменной кладки обнаружен в совершенно развитой форме в наиболее древнем культурном слое острова Пасхи, но не найден ни на одном другом из тысяч островов Полинезии, Микронезии, Папуа-Меланезии и Индонезии, делает сейчас опасным говорить о «хронологическом разрыве» между Тиахуанако и древнейшим периодом острова Пасхи.

В 1961 году Фердон, Меллой, Шельсволд, Смит и автор этих строк выпустили первый том археологического отчета о наших раскопках на острове Пасхи, при этом впервые были опубликованы фотографии и описания открытых нами больших и малых скульптур. Таким образом, авторы рецензии, сообщая уже в 1959 году свое суждение об этом матери-

<sup>54</sup> «Archaeology of Easter Island», стр. 502.

<sup>55</sup> W. Bollaert, The Pre-Incarial Ruins of Tia Huanaco in Bolivia, Formerly Upper Peru, «The Intellectual Observer», 1863, май, стр. 235.

<sup>56</sup> A. F. Banelier, The Islands of Titicaca and Koati, New York, 1910, стр. 294, 304, 305.

але, оказались в роли нереалистических прорицателей, их преждевременная попытка типологической классификации открытых нами скульптур субъективна и не нуждается в комментариях. Более уместно процитировать археолога Шельсволда, единственного, кто специализировался на полинезийских каменных скульптурах; под его руководством велись раскопки статуй острова Пасхи. Он сопоставляет<sup>57</sup> своеобразного коленопреклоненного исполина, найденного им на острове, с соответствующим типом, характерным для Тиахуанако, и заключает: «Как мы указали, сходство между этой статуей из Тиахуанако в Южной Америке и нашим экземпляром столь велико, что это вряд ли можно отнести за счет случайности. Скорее дело в близком родстве, из чего вытекает связь между двумя экземплярами древней каменной скульптуры в Андской области и на острове Пасхи; в более широком контексте эта связь распространяется также на каменные статуи Раиваивэ и Маркизского архипелага». Итак, суждение специалиста-археолога таково: речь идет о тесном родстве между древнейшим каменотесным искусством на острове Пасхи и описанными Беннетом<sup>58</sup> предклассическими каменными скульптурами Тиахуанако. Говорить о влиянии на остров Пасхи других островов Полинезии в этом смысле вообще не приходится, ведь наши радиоуглеродные датировки показали, что немногочисленные и малые по размерам статуи на соседних островах значительно моложе пасхальских. Древнейшая культурная эпоха острова Пасхи с относящимися к ней коленопреклоненной, стоящими и неполными статуями давным-давно кончилась, уже начался средний период, с огромными бюстами, когда на Маркизских островах и Раиваивэ воздвигали редкие местные скульптуры. Другие острова Полинезии, дальше на запад, а также огромная область Микронезии и Папуа-Меланезии вообще не знают каменных статуй.

**Вопрос девятый.** Заключительная часть рецензии посвящена письмам острова Пасхи. Сообщаемое здесь было в основном изложено уже в Вашем письме, присланном в СССР за год до появления рецензии, причем мы писали, что пасхальские письма не играют никакой роли для Вашей теории. Разрешите поэтому только спросить Вас, можно ли надеяться на сотрудничество с Ю. Кнорозовым в этой области после Ваших недавних бесед с ним в Ленинграде?<sup>59</sup>

**Ответ.** Я готов сотрудничать с любым ученым, вносящим положительный вклад в освещение прошлого Тихоокеанской области, независимо от того, каких взглядов он придерживается. Ученых, сотрудничающих в исследовании предистории Полинезии, можно сравнить с группой людей, очутившихся в темной пещере. Если все своими фонариками будут светить в одном направлении, можно пропустить важные факты, так как в поле зрения не будут все уголки и тайники пещеры. И только полезно браться за проблему с противоположных сторон, только так можно проверить все возможности и выявить истину. Поэтому я охотно буду сотрудничать с Ю. Кнорозовым в области, в которой он является известным специалистом. Одной из причин моей недавней поездки в СССР по приглашению Института географии АН СССР и Общества СССР — Норве-

<sup>57</sup> A. Skjølsvold, The Stone Statues and Quarries of Rano — Raraku, «Archaeology of Easter Island», стр. 362.

<sup>58</sup> W. C. Bennett, Excavations at Tiahuanaco, «Anthropological Papers of the American Museum of Natural History», т. 34, New York, 1934, стр. 460—475.

<sup>59</sup> В частности в этом письме, датированном 8.I.1958, Т. Хейердал говорит: «Кнорозов бесспорно прав, указывая, что в рукописи тем или иным образом вошел каталог епископа Жоссана, но это не лишает их значения...». Прочитывая мнение Бартеля о тетрадах, полученных экспедицией, Т. Хейердал заключает: «Если Кнорозову нужны дополнительные сведения, я с радостью их пришлю» (Прим. пер.).

гия было мое желание встретить советских ученых, открыто обсудить полинезийские проблемы и по возможности наладить полезное, как мне казалось, для обеих сторон сотрудничество. Меня порадовал сердечный прием, повсюду оказанный мне советскими учеными, а также большой интерес к моим исследованиям и вообще проблемам Тихоокеанской области. И в Москве, и в Ленинграде я установил научные контакты, которые в будущем, как я надеюсь, принесут обоюдную радость, и я ознакомил Кнорозова с полученным мной материалом ронго-ронго, прямо предложив ему сотрудничать. В руководимой мной международной группе, включающей ученых Северной и Южной Америки, Австралии и ряда европейских стран, есть виднейшие археологи, специалисты по крови и по пыльце, но среди моих сотрудников нет ни одного эксперта по ронго-ронго, и никто из нас не пытался расшифровать пасхальские письмена. Я знаю, что Кнорозов и его товарищи серьезно и основательно занимались чрезвычайно важным вопросом расшифровки, и что немецкий эксперт по шифрам Бартель также приложил немало усилий, но не решил пока загадки и не смог перевести текста ронго-ронго на загадочных дощечках. Поэтому я предоставил полученный мной материал в распоряжение как Бартеля, так и Кнорозова. До знакомства с этим материалом оба высказывали свой скепсис, но теперь оба считают, что он очень интересен и ценен. Лично я полагаю, что вряд ли пасхальские дощечки содержат данные, которые внесли бы что-то новое в освещение вопроса о полинезийских миграциях. Я даже считаю, что ко времени появления на острове европейцев пасхальцы уже не могли читать письма ронго-ронго, старые тексты передавались изустно и копировались людьми, не знавшими, что означают отдельные знаки. Это очень ясно видно из записок первых миссионеров<sup>60</sup>. Только когда пасхальцы провели меня в свои тайные родовые пещеры, наука узнала, что современные жители острова делали записи знаками ронго-ронго на бумаге, научившись в прошлом веке у миссионеров писать. Часть этих записей представляет собой «каталог» знаков ронго-ронго, рядом написано их значение современными буквами на рапануйском языке. Но если, как мне кажется, умение по-настоящему читать ронго-ронго ко времени открытия острова было забыто, то авторы рукописных каталогов могли только гадательно толковать отдельные знаки, зная содержание текстов наизусть. Возникает еще вопрос, связывали ли они заученные наизусть тексты, которые пелись, с правильными, соответствующими текстам дощечками, не перепутаны ли и здесь источники. Пока я не вижу, чтобы Бартель сумел решить эти проблемы, и мне очень интересно, к чему придут Кнорозов и его товарищи. Независимо от того, помогут ли рукописные тексты расшифровать и прочесть пасхальские ронго-ронго, все, кто видел рукописи, признают их интересными и ценными, так как они содержат много страниц с изложением легенд, ритуальных текстов, генеалогий и т. д. Весь этот материал будет опубликован в следующем томе отчета нашей экспедиции (он уже готовится), и я возлагаю большие надежды на сотрудничество в этом вопросе с Кнорозовым и его товарищами.

**Вопрос десятый.** Рецензия заканчивается следующим заключением: «Мнение Хейердала о том, что целый народ (или его остатки) переселился из Америки в Полинезию, представляет собой совершенно необоснованную гипотезу, не подкрепленную ни одним убедительным доказательством» (стр. 153).

Вы по-прежнему одиноки со своей теорией или сегодня есть ученые, которые относятся к ней не так скептически, как скажем, в 1959 году?

<sup>60</sup> «Archaeology of Easter Island», стр. 86, 87.

Ответ. Ныне я уже не один убежден, что культурные народы Южной Америки еще до прихода европейцев смешивались с другими иммигрантами из Юго-Восточной Азии на островах Тихого океана, внося свой вклад в формирование населения этой островной области. На X Тихоокеанском конгрессе, который состоялся в Гонолулу в 1961 году, собралось свыше 3000 археологов, антропологов, этнографов, исследователей крови, географов, океанографов, этно-ботаников и других из всех стран мира. Присутствовали и советские ученые. После того как участники нашей экспедиции на остров Пасхи доложили о результатах раскопок, и моя теория миграции была обсуждена на заседаниях различных научных секций, конгресс принял резолюцию, где, в частности, говорится, что Юго-Восточная Азия с прилегающими островами и Южная Америка представляют собой два важных источника населения и культуры островов Тихого океана. Текст резолюции был составлен во время совещания в музее Бишоп, где председательствовал преемник П. Бака, исследователь Полинезии археолог К. Эмори; конгресс одобрил ее единогласно.

\* \* \*

Надеюсь, что изложенное выше поможет устранить часть недоразумений как в толковании моей теории, так и относительно источников, на которых я основываюсь. Пользуюсь случаем послать привет многочисленным друзьям среди советских ученых и студентов, которые появились у меня во время поездки в СССР<sup>61</sup>.

<sup>61</sup> «Ответ» Т. Хейердала написан в 1962 г.